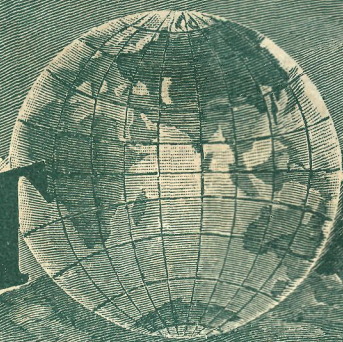

1947

05
B-66

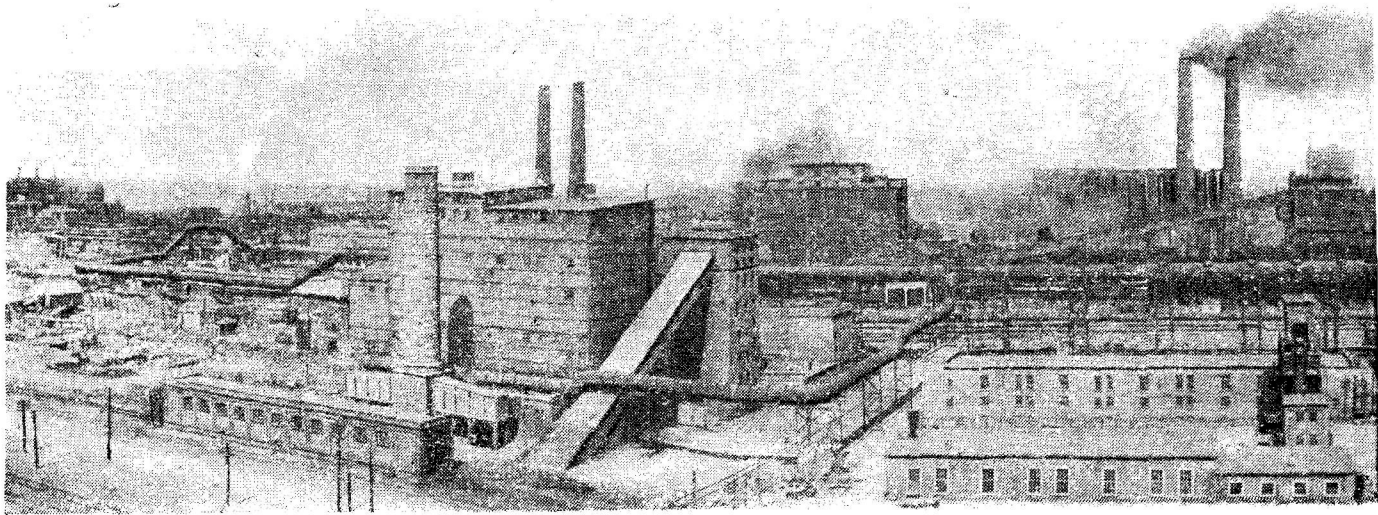

СВЕТ

ВОКРУГ

№ 5

ПО УРАЛ-РЕКЕ

Е. ДОЯРЕНКО

Летом прошлого года группа ученых-ботаников совершила путешествие по Южному Уралу. Около 1 000 километров было пройдено водным путем в поисках полезных растений. Ученые побывали также в промышленных центрах и в районе Орски, где в новой пятилетке будет создан металлургический комбинат — крупная новостройка Южного Урала. Об этом интересном путешествии рассказывает участник экспедиции — Евгения Алексеевна Дояренко.

четыре речки, сливаясь, образуют бурную реку Урал. Теряясь не надолго в огромном Яицком болоте, она вытекает из него усмирненной и снова бежит на восток, среди лесистых гор.

Но вот горы остались позади. Река умеряет свой бег, поворачивает на юг и долго извивается вдоль хребта, среди равнинных просторов челябинской лесостепи, красочных, разнообразных и однотонных ковыльных, чкаловских степей.

Кудрявятся березовые рощи (колки), темнеют купы кустарников, среди которых так свежа блестящая зелень дикого вишневника. Волнуются мощные травы.

Чем дальше на юг, тем однообразнее степи, тем меньше кустарников, совсем нет березок. Ковыль, ковыль и ковыль. Потом и он начинает уступать место упругому типчаку — низенькой узорчатой полыни.

Повернув у Орски круто на запад, река прорезает Уральский хребет (Губерлинские горы) и выходит на простор уже европейских, оренбургских степей. Ни деревца, ни кустарника на них: ковыль, типчак, и пашни — пашни без конца.

Глубоко в мягкие породы врезалась долина Урала, и широка она здесь. Вековые дуллистые осокори, тополя, ивы, мрачные ильмы, кряжистые дубы образуют густые, труднопроходимые леса, где прячутся озера и старицы, окруженные сплошной чащей ивняка. Там же, где нет леса, — непролазный кустарник или травы в рост человека, часто не знающие косы и растущие на приволье.

В Чкалове сливается Урал с большой рекой Сакмарой и — еще более широкий — катит волны в Уральск.

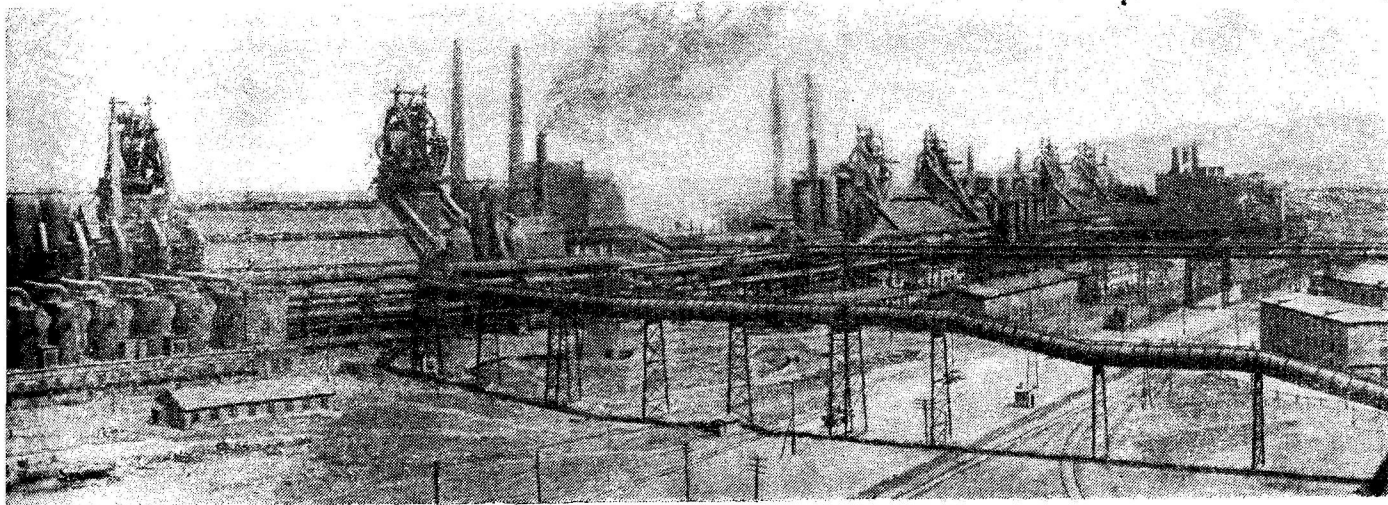
Чем дальше на юг, тем ровнее и беднее степи, меньше пашен — полынь белая, полынь черная да солянки... Только в низинах, в разливах степных рек, где они теряют свои воды, не донося их ни до моря, ни до Урала, зеленеют моря мощного пырея, житняка и безкильницы. И несет свои воды Урал, не принимая в себя уже ни одной реки, на юг, по широкой зеленой пойме, среди пустынных степей, песчаных барханов, ослепительных солончаков Западного Казахстана, несет к морю, к синему Каспийскому морю — к Гурьеву, образуя здесь границу между двумя частями света — Европой и Азией.

ГОРОД В СТЕПИ

Мы в Магнитогорске, откуда начнется наш путь на лодках. В 1930 году преградила здесь плотина путь Уралу, и побежал он по бесконечным каналам и трубам, снабжая водой один из самых молодых гигантов нашей индустрии — детище сталинских пятилеток — Магнитогорский металлургический комбинат имени И. В. Сталина.

Гора Магнитная, одиноко возвышавшаяся среди безлюдного степного простора, стала давать руду для нового мощного центра социалистической индустрии.

Оживилась степь, загудели паровозы, закипела работа. Урал загородили. Скованные воды его, поднявшись, разлились в огромном (до 18 километров в длину) магнитогорском озере. А в 1932 году уже была

пущена первая доменная печь, заработал первый мартен.

Много интересного рассказывал нам наш рабочий Никанорыч, магнитогорский старожил. Он одним из первых приехал сюда в 1929 году. На его глазах в безлюдной степи родился и вырос первенец советской металлургии, Никанорыч строил плотину, закладывал первую домну. Он семнадцать лет не выезжал из Магнитки, и теперь, мечтая поглядеть, как живут и работают в колхозах, как растет пшеница, как заходит солнце в степи, он безумолку, восторженно рассказывал нам о значении и истории своей родной Магнитки.

Пересекая залитую асфальтом площадь, с зеленым сквером перед гостиницей, проходя по широким асфальтированным проспектам в зеленом бордюре молодых деревьев — карагача, ясеня, кленов, мы не переставали удивляться: как быстро вырос этот город!..

Панорама города величественна: изрытая этажами пятиглавая гора Магнитная; снующие поезда с рудой, железом, рельсами; ряды труб, доменные печи, мартеновские вышки, груды железа и разных изделий; километры улиц, застроенных жилыми домами: в городе сотни тысяч жителей.

Лишь изредка среди построек блеснет озеро.

Все окутано дымом. Его серые, желтые, фиолетовые клубы то стелются низко, то, поднимаясь, смешиваются с облаками и покрывают небо и землю на десятки километров.

— А где же Урал? Ведь он не дальше чем в пятидесяти километрах?

— Хребет-то? — переспрашивает Никанорыч. — Да его почти никогда не видно. Разве в тихие, ясные дни — большая редкость в Магнитке! — покажется он там, на западе...

Никанорычу сейчас 65 лет. Неоднократно предлагали ему уйти на пенсию, отдохнуть, но — как он может?..

— Здесь столько моими руками сделано, но еще не все кончено. Как же я отдыхать буду? Ветры у нас непрерывные — пыль, шлак летит, с дымом мешается! Жилье надо строить подальше от завода. Вот и строим мы сейчас «новый» Магнитогорск!

Город коттеджей, зеленых бульваров и скверов, город красивый, без дыма и шума, строится за рекой-озером, где веет с хребта ветер, где воздух чист. Уже построен мост, тянется трамвайная линия, застроено много улиц.

На многие десятки километров чувствуется влияние выросшего в степи города. Все большее пространство

засплетается он паутиной электропроводов, освещая глухие уголки, давая энергию в большие и малые поселки, колхозные и совхозные центры. В Челябинске, на самом почетном месте, на площади против здания обкома, висит карта электрификации области, зажигающаяся вечером созвездием красных и белых огоньков, отмечающих населенные пункты.

Красные огоньки (их пока примерно треть) говорят, что поселок уже полностью электрифицирован, что в каждом доме светит «лампочка Ильича».

— А в 1948 году белых огоньков на карте не будет, — с гордостью говорят в облисполкоме.

ВНИЗ ПО УРАЛУ

С неделю уже как плывем мы вниз по реке. Урал здесь узкий, извилистый. На каждом шагу перекаты, где наши лодки садятся на мель.

— Держи нос! — то и дело командует рулевой. Участники экспедиции соскакивают в воду, выправляют корму и под зычные крики: «Взяли!.. Еще раз!.. Взяли!..» дружно толкают лодку вперед, на струю. Бывают дни, когда мы проплываем не больше восьми километров и больше половины времени проводим в воде.

— Не унывайте, — ободряет нас Никанорыч, — скоро поплывем, как на моторке: спустят воду на магнитогорской плотине, догонит она нас, и кончатся наши мученья!..

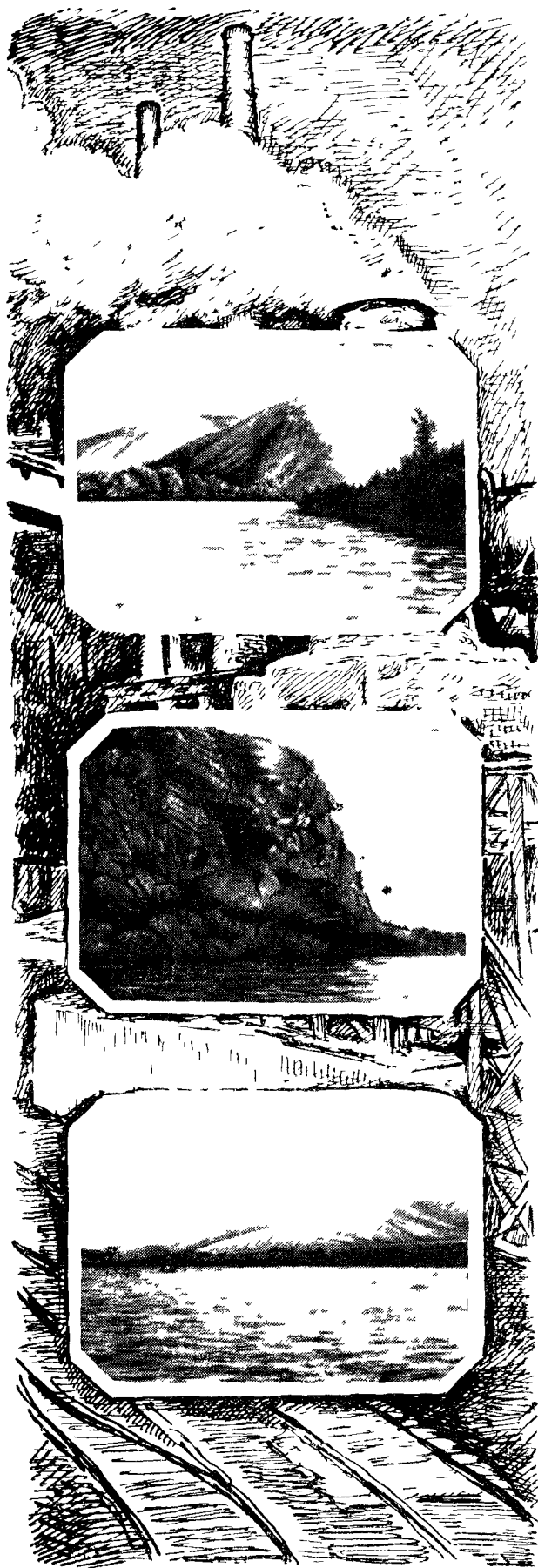
И действительно, периодически вода мутнеет, подымается, и наши лодки легко скользят по всем перекатам. Проходит несколько дней, и опять по реке несутся крики: «Взяли!.. Еще раз взяли!..» Так было до наступления дождей.

С первого же дня мы приступили к работе — изучали по пути растительность, отыскивали нужные нам травы.

Богаты и красочны луговые степи юга Челябинской области, прорезаемые рекой Урал, но еще красочнее и разнообразнее луга в его долине.

Вырываясь в пролеты Магнитогорской плотины, выется Урал среди широкой поймы, среди ярко-зеленой каймы прибрежных ивняков или под крутыми невысокими ярами, испещренными норами стрижей.

За ними пестреют луга. Трава на них густая, сочная. По низким плато мягкими волнами колышутся темно-зеленые злаки: серебристые султаны лисохвоста, прямые колосья пырея, поникшие метелки ковра безостого. Повыше — серебрится ковыль, с ярким узором, с пушком, ягоды степной клубники. Тут же, по мысам,

не налюбуешься ярким ковром разнотравно-бобовых лугов, напоенных всевозможными ароматами. Букеты душистого красного клевера, ярко-желтого дрока разбросаны среди пурпуровой чины, белого лабазника, донников, розового эспарцета, лилового шалфея, горошка. Всего не перечтешь!.. И все переплетается нежной зеленью полевиц, мятликов, овсяниц.

Так и хочется лечь здесь, раскинув руки, и дышать глубоко-глубоко, впитывая всю прелесть сочетания пестрых красок, ароматов, света и тепла...

По нескольким дней бродим мы по ярким «цветникам», описывая и собирая ценные растения.

За селением Грязнушинским подступают к реке каменные горы. То с одной, то с другой стороны мрачные, темносерые скалы обрываются в воду. Река пенится, шумит, перекатываясь через их обломки. На пороге «Семь братьев» черная громада выситя поперек реки. Глухо ворчит Урал, огибая скалу.

Здесь мы решаем образцы трав, записи и наиболее ценное имущество вынести из лодки и перенести на руках по берегу.

Лодка отчаливает и мгновенно скрывается в мутных валах. Лишь изредка виден ее поднятый нос и слышится крик рулевого: «Бей чаше, бей чаше!» Все проходит благополучно, но еще не раз приходится зорко смотреть рулевому и точно направлять лодку среди бурлящей пены, валов и торчащих острых скал.

Однажды за крутым поворотом совершенно неожиданно появился порог между двумя скатившимися глыбами, вершины которых торчат из реки, с гулом, огромными валами неслась клокочущая вода.

— К берегу! — грозно крикнул рулевой. Но было поздно — пристать нельзя. Рядом — отвесная скала, а к противоположному берегу не доплыть — нас уже тащило в бурлящий водоворот.

— Грести сильнее! — скомандовал начальник экспедиции, направляя лодку в самые валы. Все с ужасом посмотрели на него.

Лодка ухнула, воткнулась носом в высокий вал, черпнула, но тут же взлетела вверх, опять ринулась в яму, ударилась о камень, подскочила и... заколыхалась на волнах.

— Неужели проскочили? — пробормотал Никанорыч. — Такой страсти я и в Магнитке не видал!

Так мы и плыли дни, недели, часто останавливаясь для обследования и сбора интересных растений и их семян.

Пустыни и малолюдны окружающие горы, хотя богаты и пестры степи на склонах их—то розовые от эспарцета, то желтые от люцерны, то белые от горного клевера. На вершинах их и по щебнистым склонам ютятся мелкие кочаники сочных листьев горного гониолинума, блестящая горная полынь и красуются матово-серебристые листья горного конеечника, с кистями красных темнорозовых цветов, окитанных серебристым пушком.

А как красив вид блестящей зелени на темносером фоне у подножья скал, где корявые кустики вишни сплошь усыпаны мелкими сладкими пурпурными ягодами!

СТАРЫЙ И НОВЫЙ ОРСК

В Тереклинских горах, на 60 километров выше города Орска, вторично преграждаются воды Урала.

Уже сейчас река перегорожена на три четверти. работает электростанция, ворочаются экскаваторы, крапы. А скоро она и совсем будет запружена и, сначала узким озером, а выше широким морем, разольется там, где впадают в Урал Суундук и Таналык. Так возникнет новое «Орское море» и будет снабжать водой и

энергией дегише послевоенной пятилетки — Орско-Халиловский комбинат, вторую «Магнитку» Южного Урала.

Не высоки горы здесь. Как растопыренные пальцы, разошлись в разные стороны хребты и рассыпались множеством холмов по степи. Близки к поверхности самые древние пласты габбро-змеевикового массива. В незапамятных временах они не раз оледеневали, подвергались действию высоких тропических температур видоизменялись, сплавлялись... В результате — почти каждый хребет, каждый холм содержит то золотые россыпи, то ценные камни, то различные руды. Сверкают кристаллы гипса, зеленеют сосульки медного купороса. Есть целые горы, где меди до 15 процентов, а рядом такие же с цинком.

В 1929 году было установлено наличие здесь и нового месторождения железных руд.

Много споров было вначале о целесообразности их использования. Месторождение это мощное, и тянется оно от Башкирии по всему Халиловскому и Новоорскому районам, залегая близко к поверхности, но содержание в нем железа невысоко.

Однако опытная плавка показала, что чугун из этой руды очень прочен, устойчив к коррозии, а самое главное — очень текуч, что позволяет лить из него самые сложные, тонкостенные изделия. Сталь же особо ценна по своим механическим свойствам, упруга и очень стойка, так как в этой руде много никеля, хрома, марганца, кобальта и других металлов, которые обычно прибавляются в сталь для получения ценнейших сплавов.

И вот рядом с небольшим степным городом Орском, бывшей крепостью острогом, приютившимся на левом берегу Урала, на правом берегу реки растет Новый Орск — город с крупнейшими заводами. Фабрики Орский мясокомбинат славится тем, что, кроме различных консервов, колбас и других мясных продуктов, изготавливает и ценнейшие медицинские препараты, вплоть до пенициллиновых — этого сильнейшего средства против различных заболеваний.

Южноуральский никелькомбинат, Орская ТЭЦ, завод тяжелого машиностроения, Аккермановский рудник — только возникающий город Ново-Троицк (он начал строиться с 1942 года) — все это резко изменило и приросту и быту людей. Железные дороги, электропровода, рудник и заводы, ряды домиков рабочих поселков на глазах растут среди пустынных предгорий и степей.

А недалеко от Кувандыка, в Губерлинских горах, возникла и развивается медно-цинковая промышленность. Вырос город Медногорск. Двумя этажами в «Медную гору» вгрызаются штольни. Еще в 1939 году построен медно-серный завод, а скоро начнется и выработка цинка. Среди гор расположатся улицы нового города.

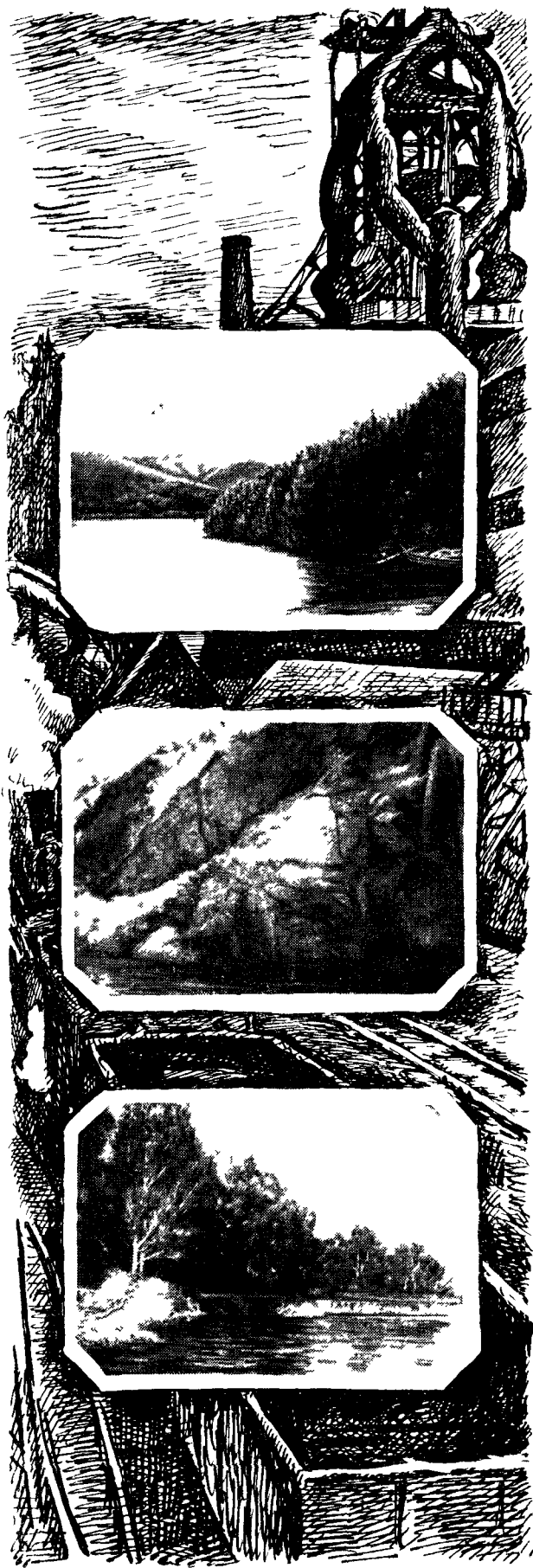
Кобальтовые руды, марганец, хромистый железняк, магнезит, гранат, халцедон. Не перечислить всего, что заложено в этом природном «музее» руд и металлов и призвано служить человеку.

Но не только для металлургов интересен этот район. Есть здесь над чем поработать и архитекторам и художникам.

В семи километрах от Орска, среди ковыльных просторов, издали виден курган — гора Полковник. Вершина ее вся изрыта, вся в воронках. Среди синевато-серого диорита пестреют разноцветные обломки темно-красного камня с уходящими внутрь волнистыми прожилками серовато-зелеными, темно-пурпуровыми.

Это яшма, знаменитая орская яшма. Почти вся гора состоит из нее. А рядом другая, третья... Академик Ферсман говорил, что он не знает другого минерального вида, где сочетание красок было бы так разнообразно и сложно.

Есть на Урале яшма сургучная, вишневая, палевая с темным рисунком, пестрая, синевато-серая, зеленая, коричневая, ленточная. Знаменита калканская яшма — спокойная, зеленовато-синеватая.

Но орская яшма — это что-то исключительно яркое, нарядное, пестрое. Двести сортов ее известно в окрестностях города.

Еще в 1770 году знаменитый ученый, путешественник Паллас, восхищаясь орской яшмой, писал, глядя на нее: «Вот бушующее море в серовато-зеленой пене, на горизонте сквозь тучи пробивается полоска заходящего солнца...», «Вот хаос красных тонов, кто-то бешено мчится среди пожара и огня, и черная сказочная фигура резко выделяется на фоне хаоса...», «Вот лепестки и цветы яблони, они упали на поверхность воды и тихо качаются на волнах заснувшего пруда...»

Мы знаем орскую яшму по станции Маяковского в московском метро, где так сказочно красивы ее темно-красные узорчатые колонны среди строгой облицовки из нержавеющей стали. В проектах Дворца Советов яшма выбрана для украшения стен Большого зала.

Вазы, блюда, шкатулки из яшмы издавна украшали дворцы и музеи.

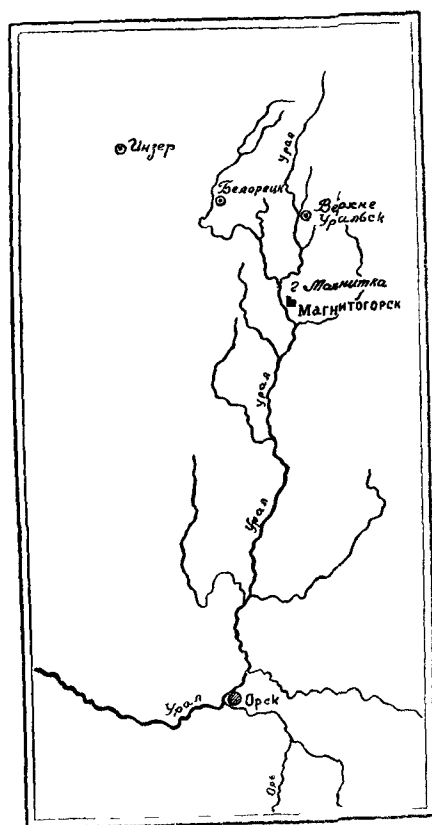
Трудна работа резчиков яшмы. Особый глаз надо иметь, чтобы угадать, где скрыты лучшие, самые красивые оттенки и линии. Никакой инструмент ее не берет — так тверда она. Но сейчас изобрели особые пилы для резки яшмы.

Кроме яшмы, много и других прекрасных камней есть на Урале: знаменитый орлец, малахит, горный хрусталь...

В Губерлинских горах, у селения Горюн, не менее красив и серебристый лабрадор, где так причудлив рисунок темных клинышков и треугольников. Много здесь всяких мраморов — серых, черных, белых.

ГУБЕРЛИНСКИЕ ГОРЫ

Больше половины пути проплыли мы. Все шире становится долина Урала, мощнее река, которая теперь часто разделяется на два-три рукава. Тополевые роши

Повернув у Орска круто на запад, река прорезает Уральский хребет.

превращаются в густые леса. На лугах уже редко встречается клевер, но много сплошных зарослей желтой люцерны. Мы с Никанорычем целыми днями пробираемся среди ее густых зарослей и понемногу наполняем марлевые мешочки семенами этой ценной кормовой культуры, которой предстоит завоевать поля в наиболее засушливых степных районах.

— Смотрите, смотрите, — то и дело говорит Никанорыч, — какой куст-то огромный и семянистый...

Он с таким же увлечением собирает семена трав (с гордостью объясняя всем встречным, как они будут красоваться на родных полях), с каким месяц назад рассказывал о своей Магнитке.

Разлившись широкой поймой среди степного простора выше Орска, ниже его река Урал, стремясь на запад, врезается в самый южный отрог Уральского хребта — Губерлинские горы. Не совсем обычные эти горы: ниже почти ровных степей — сыртов, а не над ними лежат они, как результат длительного размыва предгорного плато. Глубокие ущелья, лога, скалы, обрывы. Сливаясь, лога и ущелья ведут к Уралу, а выше переходят в холмистое степное плато с отдельными солками. Оренбургской Швейцарией зовут эти горы Суровы и дики сухие, каменистые осыпи, причудливы скалы, однотопная желтеющая степь по их склонам.

Тем неожиданнее темная зелень перелесков по тенистым логам, где в густых, непроходимых зарослях журчат ручьи. Тут и тальник, и жимолость, и дикий миндаль, акация, вишня, которая осенью особенно ярка и нарядна в осеннем пурпурном уборе среди желтых и буро-зеленых соседей.

Долины рек все в зелени вековых осокорей, вязов, ив. Темно и сыро в тени их. И тихо журчат светлые прозрачные воды рек Губерли, Чердаклы и других, то прыгая по камням среди огромных листьев ярдосмии, то разливаясь в тихих плесах, где отражается каждая былинка где виден каждый камешек, все снующие в них рыбешки.

Чем дальше на запад, тем чаще разливается Урал в широкой лесистой пойме.

Ниже Губерли — больше поселков, налево — старые казачьи станицы, теперь крупные колхозы, направо — больше новых, недавно возникших совхозов.

Прямые линии пашен нарушают девственность степи. Шумят тракторы, движутся комбайны. По горам бродят стада лошадей, овец, коров.

По нередки еще и сейчас места, где трава не смята, где нет ни тропы, ни следа.

Строятся новые города, врезаются машины в глубь этих гор, растут ряды белых домиков, гудят заводы и фабрики, но много еще просторных степей, нетронутых богатств.

Чем ближе к Чкалову, чем ниже горы, тем больше сел и пашен среди степи, тем шире и лесистее долина Урала. Тут и там среди кустарника топырится колючий терн с сизоватыми крупными ягодами. Трава на лугах — в рост человека и тоже не вся косится, зарастая непроходимой чащей крупного бурьяна и кустарников.

Ходить по некошеным лугам и зарослям очень трудно. Мы с Никанорычем часто возвращаемся с работы исцарапанными, в изорванной одежде. И как приятно бывает из этих чащ выйти на кошенный луг, уставленный рядами стогов.

Новая индустрия этого южного конца Урала — индустрия военных лет и наступивших восстановительных пятилеток — хотя и богата и разнообразна, но это только начало.

В 1950 году не узнать будет края. Новые моря-озера, измененное русло Урала, новые города и фабрики еще больше оживят пустынные горы.

Сетка полей севооборотов, орошенных водами Урала, правильные ряды скирд на степях и лугах, гудки паровозов и фабрик, а по вечерам сияние огней промышленных городов станут здесь характерными чертами ландшафта.